МЫСЛЬ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи:	12 р.	11 р.	10 р.	9 р.	8 р.	7 р.	6 р.	5 р.	4 р.	3 р.	2 р.	1 р.
За границу:	20 „	19 „	18 „	17 „	15 „ 50 к.	14 „	12 „	10 „	8 „	6 „	4 „	2 „

При перемѣнѣ адреса иногородняго на городской или россійскаго на заграничный уплачивается 30 коп.

Объявленія: за мѣсто, занимаемое строкою нонпарели впереди текста, 50 к., позади текста 20 к., а за объявленія съ предложеніемъ труда 10 коп. Вкладныя объявленія, вѣсомъ до 1 лота, по 10 руб. за тысячу, а за каждый слѣдующій лотъ по 5 руб. за тысячу экземпляровъ. Экстренныя объявленія послѣ 5 час. вечера принимаются въ типографіи.

Редакція: СПБ., Средняя Подъяческая, 1. Телефонъ № 284. Контора: СПБ., Невскій, 106. Телефонъ № 37—93, открыта ежедневно, кромѣ воскресеній, отъ 10 до 4 ч. д. Для личныхъ объясненій редакція открыта отъ 3-хъ до 4-хъ час. дня ежедневно, кромѣ воскресеній и праздниковъ.
Рукописи безъ обозначенія фамиліи и адреса авторовъ не разсматриваются редакціей. Принятыя рукописи подвергаются исправленіямъ и сокращеніямъ по усмотр. редак. Непринятыя рукописи возвращаются авторамъ по почтѣ лишь по заявленію о томъ авторовъ и за ихъ счетъ. Мелк. непринятыя рукописи уничтожаются.

№ 12 Годъ изданія первый. Цѣна отдѣльнаго номера 5 к. Воскресенье, 2-го (15-го) іюля 1906 г. № 12.

Въ этомъ номерѣ 6 страницъ.

Продолжается подписка на 1906 годъ на политическую и литературную ежедневную газету

„МЫСЛЬ“

Условія подписки см. въ заголовкѣ газеты.
Отвѣтственный редакторъ и издатель:
Членъ государственной думы **И. Е. Соломко.**

Доставка на домъ въ городѣ отдѣльныхъ номеровъ газеты „Мысль“

(въ розничной продажѣ по 5 к. за номеръ) производится всѣмъ желающимъ, заявившимъ о томъ открытымъ письмомъ въ контору: Невскій, 106, кв. 11. 212—10—7

Изданія книгоиздательства „МОЛОДАЯ РОССІЯ“.

К. Качоровскій. Народное право. 90 к.
Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ. 10 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба. 10 к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точ. зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.
Амари. Стихотворенія. 10 к.
П. Поливановъ. „Кончился“ съ портр. и біогр. автора. 8 к. 2-е изд.
Л. Шишко. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. 20 к.
А. Рудинъ. На ту же тему (Еще объ аграрныхъ экскурсіяхъ рос. с.-д.) 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопр. во Франціи и Германіи. Съ предислов. Р. Росса. 18 к.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Лавровъ. Знаніе и революція. Съ портр. автора. 10 к.
Ѳ. Сибирскій. Очередной вопросъ. (Объ аграрн. прогр.) 8 к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе. 4 к. (Попул. библ. № 1).
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. 3 к. (Попул. библ. № 2).
Н. М. На войну. 4 к. (Попул. библ. № 3).
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу (Попул. библ. № 4). 2 к.
Сергѣй Обуховъ. Не въ моготу (Поп. библ. № 5) 9 к.

Складъ изданій. Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, кв. № 2.
Отдѣленія склада: С.-Петербургъ: кн. скл. „Библіотечное Дѣло“, Невскій, 42; кн. маг. В. П. Кранихфельдъ, Англійскій просп., 40. 239—1—1

Вышла изъ печати и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ книжка пятая журнала

„ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОСТИ“

СОДЕРЖАНІЕ: I. Евгеній. Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. 2. Юрій Ларинъ. О нашей партіи. 3. К. К. Кого поддерживать? 4. М. П-нъ. Дума—центръ организующейся революціи 5. Л. Б. Соціалъ-демократія Польши и Литвы и Государственная Дума. 6. К. Каутскій. Письмо К. Каутскаго объединительному съѣзду Р. С.-Д. Р. П. 7. Н. Малишевскій. Логика и тактика въ брошюрѣ о тактикѣ. 8. П. Масловъ. Аграрныя програм. соціалистовъ-революціон. и соціалдемократовъ. 9. К-въ. Отклики. 10. А. Потресовъ. О кадетахъ. 11. Ф. Данъ. Соціалдемократическая фракція въ Государственной Думѣ.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНОЙ КНИЖКИ: 25 КОП.

Главный складъ изданій: Контора газ. „Голосъ Труда“ Николаевская 2 и „Новый Міръ“, Николаевская 61. 241—1—1

Въ воскресенье выйдетъ № 1 еженедѣльной газеты

„СЕМАФОРЪ“.

Газета ставитъ своей задачей защиту интересовъ желѣзнодорожнаго труда. Цѣна № 5 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Свѣчной пер. (уголъ Коломенской), № 18, отъ 11 до 1 дня.

Редакторъ-издатель: членъ государственной думы Ф. А. Сефферъ.

ТЕРІОКИ.

Въ воскресенье, 2-го іюля, въ 11 час. утра, на плацу „Теріокскаго Общества Молодежи“ состоится рабочій митингъ, устраиваемый группой теріокскихъ рабочихъ при участіи членовъ думской С.-Д. фракціи. Послѣ перерыва состоится тамъ же рефератъ, устраиваемый Сіонистско-Соціалистической Рабочей Партіей.

Тема: Еврейскій пролетаріатъ и еврейская соціалъ-демократія, **референтъ** Д. М. Давидовичъ. Послѣ реферата дискуссія. Плата для входа на митингъ 10 коп., на рефератъ 40 коп. Послѣдній поѣздъ отбудетъ въ городъ въ 12, 23 ночи.

ВОЗЗВАНІЕ.

Страшное несчастье обрушилось на еврейское населеніе города Бѣлостока. Погромъ, организованный злодѣями и длившійся 1—3 іюня, далъ въ результатѣ массу жертвъ: до ста безчеловѣчно убитыхъ и сотни раненыхъ. Множество магазиновъ, лавокъ, мастерскихъ и квартиръ безпощадно разгромлено. Многія семейства лишились своихъ кормильцевъ, остались безъ хлѣба и крова. Въ городѣ полный застой. Помогите, человѣколюбивые братья! Помогите жертвамъ звѣрскаго насилія!

Пожертвованія просимъ направлять казначею Комитета Маркусу А. Ш. Гордону.

Бѣлостокскій Комитетъ по оказанію помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ погрома.

Немного статистики.

Въ Государственной Думѣ, открытой 27 апрѣля 1906 г., работаютъ 9 старшихъ опытныхъ стенографовъ и 9 ихъ помощниковъ; 9 старшихъ стенографовъ (не касаемся помощниковъ, какъ неопытныхъ, а потому не представляющихъ интереса) распредѣляются по системамъ слѣдующимъ образомъ: по системѣ

Габельсбергера	4 стеногр.	(ученики разныхъ учителей)
Штольце	— „	
Терне	1 „	
Животовскаго	4 „	(всѣ ученики автора системы).

Интересно сопоставить число приверженцевъ каждой системы изъ думскихъ стенографовъ съ числомъ лѣтъ существованія этихъ системъ въ Россіи. Системы стенографіи:

Габельсбергера (примѣненіе нѣмецкой теоріи къ русскому языку) введена въ Россіи въ употребленіе . . съ 1866 г. (40 л.)
Штольце . . . . съ 1864 г. (42 г.)
Терне (передѣлка Штольце) съ 1874 г. (32 г.)
Животовскаго (первая оригинальн. русск. система) . . . съ 1898 г. (8 л.)

Стенографическій Институтъ I. Животовскаго (Одесса, Дерибасовская 11;, д. М. Санца) высылаетъ проспекты 1) о преподаваніи стенографіи при Институтѣ (на мѣстѣ), 2) о заочномъ преподаваніи и 3) о подпискѣ на VI изд. руководства для самообученія—каждый за 7-коп. марку.

Бюро Института рекомендуетъ опытныхъ стенографовъ во всѣ правительственныя и общественныя учрежденія Россіи.

240—4—1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 2 іюля.

Каковы же ихъ планы? Жалкая газетка „Россія“, которую до сихъ поръ, кажется, никто не бралъ въ руки, теперь внезапно стала возбуждать къ себѣ специфическій интересъ—тотъ интересъ, который вообще возбуждаетъ къ себѣ скандальная хроника. Помилуйте, самъ г. Столыпинъ не могъ найти газеты хуже этой, чтобы откупить ее и превратить въ кладезь правительственной премудрости, спеціально рекомендованный гг. губернаторамъ: „имъ же научитеся, или словомъ, или посланіемъ нашимъ“.

Г. Столыпинъ, разумѣется, достоинъ высшей похвалы, что, ища случайной „подруги жизни“ въ мірѣ прессы, былъ экономенъ въ тратѣ народныхъ денегъ и избралъ самое дешевенькое и жалкое изъ газетныхъ „погибшихъ, но милыхъ созданій“.

Такимъ образомъ, „задешево“ (сравнительно, конечно) могутъ освѣдомляться,—какъ писалъ г. Столыпинъ въ секретномъ циркулярѣ,—о „дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ правительства“ губернаторы, а послѣ того, какъ маленькіе секреты г. Столыпина были выведены на свѣжую воду,—и простые смертные.

Каковы же эти „дѣйствительныя предположенія“? Чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе на этотъ счетъ выражается газетка, поступившая „на содержаніе“ къ г. Столыпину.

Въ послѣднемъ № она заявляетъ, что „мирнымъ гражданамъ нѣтъ дѣла до препирательствъ между думой и правительствомъ о толкованіи тѣхъ или иныхъ правилъ“, что „мирные граждане нуждаются въ твердой власти“, и что, поэтому, „мирные граждане вправѣ требовать, *чтобы власть развязала тѣ путы, которыя она сама на себя надѣла*“. „И страна будетъ признательна законной власти, *какою бы цѣною* власть эта ни обезпечила ей порядокъ“...

Non multa, sed multum. Въ немногомъ—многое. Въ смыслѣ откровенности лучшаго нечего и желать.

Въ сказанномъ только неточно, будто власть „сама на себя“ надѣла въ октябрьскіе дни тѣ „путы“, которыя теперь ей хочется „развязать“. Нѣтъ, сама себя обуздывать она никогда не хотѣла и не соглашалась. Ее обуздывало, ее заставляло надѣвать „путы“ только прямое народное давленіе. Стоило ослабѣть этому давленію—и „путы“ сбрасывались. Такъ, даже манифестъ 17 октября оказался „путами“, и былъ фактически отмѣненъ изданіемъ „основныхъ законовъ“ и введеніемъ режима военныхъ положеній. Теперь этого оказывается мало. Существованіе думы, даже стиснутой желѣзнымъ корсетомъ основныхъ законовъ, оказывается для правительства „обузой“. Правда, власть знаетъ, что въ странѣ есть силы, которыя недешево отдадутъ эту послѣднюю тѣнь гражданскихъ свободъ, которая воплощена въ думѣ. Но что же — кто хочетъ цѣли, кто хочетъ средствъ. Власть ясно говоритъ, что разсчитываетъ на благодарность вѣрноподданной части страны, *какою бы цѣною* ни спасла она „порядокъ“...

И, какъ видите, она не постоитъ за цѣною... „цѣною цѣненнаго“...

Итакъ, „дѣйствительныя предположенія“ власти сводятся къ тому, чтобы какою угодно цѣною, цѣной жизней и крови человѣческой купить себѣ вновь полную свободу дѣйствій. Но такія дѣла не дѣлаются открыто и безстыдно. Они всегда кроются во мракѣ, скрываясь подъ личиною лицемѣрія. И когда люди собираются затѣять торгъ кровью человѣческой—распивочно и навыносъ, они заявляютъ что-нибудь вродѣ того, что идутъ „спасать страну“.

Придумываетъ подходящій маневръ и наше нынѣшнее правительство. Отъ губернаторовъ отбираются свѣдѣнія, чего можно ожидать въ той или другой мѣстности въ случаѣ примѣненія всеобщаго избирательнаго права, если одновременно широко использовать всѣ средства давленія на избирателей. Когда нынѣшняя головоломная избирательная система не дала правительству благопріятныхъ результатовъ, въ высшихъ сферахъ, тогда же зародилась блажная мысль, что и при всеобщемъ избирательномъ правѣ результаты выборовъ для „правыхъ партій“ хуже не были бы,—хуже вѣдь ужъ и некуда — а, почемъ знать, можетъ быть оказались бы даже лучшими. А между тѣмъ, страна такъ жаждетъ всеобщаго избирательнаго права, что на этой стрункѣ, можно прекрасно сыграть. Представимъ себѣ только, что дума распускается тѣмъ-же самымъ указомъ, въ которомъ объявляется, что это дѣлается лишь для того, чтобы избрать новую думу на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Развѣ такое дополнительное заявленіе не явится прекраснымъ громоотводомъ? А пусть только благополучно сойдетъ роспускъ думы; послѣ этого уже легче будетъ оріентироваться въ политическомъ положеніи и поступить „сообразно обстоятельствамъ“: если можно—исполненіе обѣщаній оттянуть, если можно—такъ и совсѣмъ утянуть, а нельзя—ограничиться урѣзками.

Вотъ на какой провокаціонный маневръ намекаютъ послѣднія verba et gesta нашихъ правителей. Все будетъ мотивировано, конечно, благороднѣйшими рѣчами. Недаромъ въ государственномъ совѣтѣ они уже использовали ошибку думы, которая вмѣсто того, чтобы самой взяться за организацію помощи голодающимъ, оставила это дѣло въ рукахъ погромщиковъ, только уменьшивъ имъ ассигновку. Дума боялась конфликта, боялась, что владѣющіе ключами отъ государственной кассы все равно не выдадутъ денегъ никому другому, кромѣ правительства погромщиковъ. Пусть такъ. Но тогда между думой и голодающими встала бы враждебная имъ обоимъ власть, на которую народъ и возложилъ бы всю отвѣтственность. Теперь же конфликта все равно не избѣгнуть, невинность потеряна, а капиталъ не пріобрѣтенъ. И г. Коковцевъ громко кричитъ о томъ, что государственная дума урѣзаетъ самое необходимое изъ кормежки голодающихъ.

Подобнымъ же образомъ власть собирается использовать и медленность думы въ рѣшеніи вопроса о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Кажется, положительно его соблазняетъ все тотъ же примѣръ Наполеона Послѣдняго, прикрывшаго свой государственный переворотъ заявленіемъ, что, распуская цензовую палату депутатовъ, онъ даруетъ народу всеобщее избирательное право. Но—хотя дума и сдѣлала ошибку, которую должна поправить—однако, разсчеты власти намъ кажутся слишкомъ шаткими и непрочными. Не тѣ условія времени и мѣста. И, пожалуй, наоборотъ, упорствующимъ властителямъ придется подумать не о томъ, какъ бы застигнуть врасплохъ страну, а о томъ, какъ бы ихъ планы не были предупреждены новымъ могучимъ порывомъ народнаго движенія. Народное море волнуется, разгорается пожаръ,—

Ужъ демонъ вихрей мчится грозно
Свинцовой тучей облаченъ,
И облака, что плыли розно,
Къ себѣ зоветъ зарницей онъ...

Дѣло Дрейфуса. Двѣнадцать лѣтъ тянулось это знаменитое дѣло. Капитанъ Дрейфусъ былъ дважды осужденъ военнымъ судомъ — въ 1894 г. въ Парижѣ и въ 1899 г. въ Реннѣ. 29 іюня кассаціонный судъ отмѣнилъ реннскій приговоръ и постановилъ все производство уничтожить: еще разъ по этому дѣлу Дрейфусъ не можетъ быть судимъ. Тѣмъ не менѣе дѣло Дрейфуса еще не кончено. Оправдать Дрейфуса, значитъ — произнести приговоръ надъ тѣми офицерами арміи, которые не останавливались ни предъ какими средствами, чтобы создать улики противъ него. Разборъ дѣла въ кассаціонномъ судѣ подтвердилъ то, въ чемъ французское общество не сомнѣвалось уже со времени суда въ Реннѣ: чтобы добиться обвиненія Дрейфуса, былъ учиненъ высшими офицерами арміи цѣлый рядъ подлоговъ.

Этихъ офицеровъ слѣдовало бы теперь предать суду, но проведенная министерствомъ Вальдекъ-Руссо амнистія по всѣмъ преступленіямъ, связаннымъ съ дѣломъ Дрейфуса, избавила генерала Мерсье и комп. отъ скамьи подсудимыхъ. Для суда съ дѣломъ Дрейфуса покончено, но министерству оно еще доставитъ не мало хлопотъ. Дрейфусъ и выдающіеся дрейфусары получили полное удовлетвореніе. Обѣ палаты приняли уже законопроектъ о возвращеніи Дрейфуса и полковника Пикара, мужественнаго борца за правду, въ ряды французской арміи. Зола, сдѣлавшій больше всякаго другого для превращенія дѣла капитана французской службы въ 'дѣло міровой совѣсти, получилъ загробное удовлетвореніе: по постановленію палаты его останки будутъ перенесены въ Пантеонъ, гдѣ покоится прахъ французовъ, признаныхъ Франціей великими. Но министерству придется еще такъ или иначе дать удовлетвореніе общественной совѣсти, требующей возмездія для офицеровъ-поддѣлывателей. На этой почвѣ началась уже борьба страстей, происходятъ уже дуэли; борьба, возможно, еще разгорится, но общественнаго значенія она, во всякомъ случаѣ уже не имѣетъ. То дѣло Дрейфуса, которое объединило могучимъ порывомъ къ правдѣ всѣ культурные народы обоихъ полушарій, кончилось еще тогда, когда Дрейфусъ, помилованный и освобожденный изъ тюрьмы, былъ оправданъ всеобщимъ сознаніемъ, кассировавшимъ приговоръ неправеднаго военнаго суда за много лѣтъ до того, какъ это сдѣлало оффиціальное правосудіе.

Тѣмъ не менѣе и рѣшеніе кассаціоннаго суда и постановленіе палатъ о возстановленіи Дрейфуса въ правахъ имѣютъ огромное общественное значеніе: ими формально и непререкаемо закрѣпляется приговоръ общественной совѣсти и, что еще важнѣе, реабилитируются сами эти учрежденія, учрежденія свободнаго государства. Во Франціи, какъ и во всякомъ другомъ современномъ обществѣ, вопіющія несправедливости совершаются ежедневно. Дѣло Дрейфуса потому всколыхнуло весь культурный міръ, что въ немъ темныя силы общества посягнули на основы современной европейской культуры. Жестоко разбитая пруссаками и мечтая о реваншѣ, буржуазная Франція создала культъ арміи. Армія стояла внѣ критики и выше порицаній. Подъ покровомъ тьмы, которой окружили армію, работали темныя силы и зрѣлъ заговоръ противъ республики. И когда этимъ темнымъ силамъ понадобилось погубить человѣка, ставшаго имъ поперекъ пути, и ужъ заодно возбудить темные инстинкты массы, онѣ заживо похоронили ни въ чемъ неповиннаго человѣка на Чортовомъ островѣ. Въ республиканской и демократической Франціи личность, казалось, не болѣе защищена противъ насилія людей, вооруженныхъ штыкомъ, чѣмъ въ деспотической Россіи и Турціи. Всполошилась Франція, всполошился весь міръ. И процессъ Дрейфуса служитъ самой яркой иллюстраціей, какую только представила исторія, величія свободныхъ учрежденій, созданныхъ европейской культурой, сравнительно съ первобытными учрежденіями восточныхъ деспотій. Соединенныхъ усилій всѣхъ темныхъ силъ Франціи было недостаточно, чтобы погубить одного невиннаго человѣка.

Сколько невинныхъ людей губятъ у насъ темныя силы ежедневно!

Погромная „мораль“.

Въ «Новомъ Времени», отъ 28 іюня, помѣщено «письмо въ редакцію» слѣдующаго содержанія:

Въ № 159 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (II изд.), отъ 23 іюня, помѣщена корреспонденція изъ Бѣлостока, подписанная псевдонимомъ „Мѣстный“. Въ этой „корреспонденціи“, между прочимъ, говорится: „Студентъ горнаго института, мѣстный уроженецъ баронъ Врангель, своимъ хладнокровіемъ положительно спасъ цѣлый рядъ семей отъ смерти и дома отъ разгрома“, и т. д. и т. д.

Считая необходимымъ возстановить истину, покорнѣйше прошу помѣстить въ ближайшемъ номерѣ вашей газеты мое категорическое заявленіе, что часть „корреспонденціи“ г. „Мѣстнаго“, касающаяся меня, есть *сплошной и наглый вымыселъ*.

Бар. П. Г. Врангель.

Гор. Бѣлостокъ.
24 іюня 1906 г.

Тутъ нѣтъ никакой опечатки. Такъ и сказано: *«наглый»*. И курсивъ тоже не нашъ, а самого автора, который, повидимому, желалъ этимъ сильнѣе выразить свое негодованіе, подчеркнуть свой протестъ.

Что же это значитъ? Человѣку приписали, предположимъ напрасно, героическій, глубоко человѣчный поступокъ—спасеніе цѣлаго ряда семей отъ смерти и домовъ отъ разгрома, и онъ, вмѣсто того, чтобы сказать: этого подвига я не совершилъ и приписываемой мнѣ чести не заслужилъ, выступаетъ съ возмущеннымъ протестомъ, точно ему была нанесена кровная обида, точно его заподозрѣли въ чемъ-то позорномъ, безнравственномъ.

Неправда-ли: все это странно и дико? Но есть обстоятельство, которое дѣлаетъ поступокъ бар. Врангеля *болѣе*, чѣмъ страннымъ и *болѣе*, чѣмъ дикимъ. И обстоятельство это заключается въ томъ, что бар. Врангель таки *совершилъ* тотъ подвигъ, который ему приписывается.

Я утверждаю на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, что бар. Врангель въ теченіе двухъ сутокъ скрывалъ у себя въ домѣ нѣсколько еврейскихъ семействъ—женщинъ и дѣтей, что онъ двѣ ночи не ложился спать и, рискуя собственной жизнью, оберегалъ своихъ «гостей» отъ хулигановъ. Я готовъ привести неопровержимыя доказательства моихъ словъ, назвать имена лицъ, спасенныхъ барономъ Врангелемъ отъ смерти, если онъ соблаговолитъ привлечь меня къ отвѣтственности за «клевету».

Какъ видитъ читатель, мы здѣсь имѣемъ передъ собою явленіе не странное, а прямо-таки страшное, трагическое.

Что заставило этого смѣлаго, самоотверженнаго человѣка такъ отшатнуться отъ своего подвига, отречься отъ него съ ужасомъ, не останавливаясь даже передъ ложью, передъ напраснымъ оскорбленіемъ человѣка, написавшаго истинную правду?

Признаюсь, въ первую минуту по прочтеніи письма г. Врангеля у меня явилась мысль, не есть ли это писаніе плодъ помѣшательства? Бѣлостокскіе ужасы способны были довести особенно первныхъ людей до помѣшательства. И нѣкоторые таки помѣшались. Но... но въ томъ же самомъ «Новомъ Времени» (отъ 20 іюня) я нашелъ другое, почти аналогичное письмо одного полковника, письмо, въ которомъ съ тѣмъ же ужасомъ и тѣмъ же негодованіемъ опровергаются точно такія же «обвиненія» въ спасеніи евреевъ. Приводимъ и это письмо:

М. г. Прошу напечатать въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующее заявленіе:

Въ № 129-мъ газеты „Военный Голосъ“ въ отдѣлѣ „Хроника“ было напечатано сообщеніе, перепечатанное изъ газеты „Дума“: *Среди мрачныхъ ужасовъ Бѣлостока свѣтлые факты.* „Заявляю, что въ этомъ сообщеніи—ни слова правды: никого я не посылалъ къ знакомымъ евреямъ, которыхъ у меня нѣтъ, съ предложеніемъ переѣхать ко мнѣ въ казарму, и никакихъ „гостей-иновѣрцевъ“ у меня не было... Удивленъ, что газета „Военный Голосъ“ занимается перепечатываніемъ разныхъ „газетныхъ утокъ“; мнѣ кажется, чтобы газета хоть сколько-нибудь уважалась, нужно перепечатывать съ разборомъ... провѣривши факты, а не съ плеча—все что попало.

Подполковникъ Невзоровъ.
Бѣлостокъ, 16 іюня.

Мнѣ говорили, что въ нѣкоторыхъ другихъ черносотенныхъ газетахъ были подобныя же письма. Трудно предположить, чтобы всѣ эти люди посходили съ ума. Очевидно, тутъ имѣются другія, болѣе сложныя причины.

Есть большое основаніе полагать, что письма барона Врангеля и подполковника Невзорова были вызваны тѣмъ, что въ Бѣлостокѣ въ настоящее время твердо установился такой «нравственный режимъ», при которомъ поступки, приписываемые этимъ лицамъ, являются предосудительными, позорными. Въ то время, когда государственная дума, вся честная Россія, весь міръ, печать обоихъ полушарій волнуются бѣлостокскими событіями и обсуждаютъ ихъ съ ужасомъ и негодованіемъ, въ это самое время Бѣлостокъ открыто объявляется «на погромномъ положеніи», и тамъ устанавливается совершенно новый кодексъ морали, «погромной морали», по которой убивать евреевъ, безразлично мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, не только не предосудительно, но еще похвально, патріотично, «нравственно» и вполнѣ согласно съ честью и достоинствомъ не только простого смертнаго, но и солдата; что такія дѣянія даже обязательны для всякаго порядочнаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ «долгу».

И вотъ, съ точки зрѣнія этой-то новой морали, и подполковникъ Невзоровъ, и баронъ Врангель совершили безусловно не честное, не патріотическое дѣло, марающее честь мундира. И естественно, что общественное мнѣніе настойчиво требуетъ отъ нихъ, чтобы они или ушли отъ своего круга, сдѣлались бы отщепенцами, или отреклись бы отъ своихъ поступковъ, какъ отъ позорныхъ и безчестныхъ. И люди, нашедшіе въ себѣ мужество въ минуту опасности защищать беззащитныхъ, очевидно не нашли въ себѣ достаточно мужества, чтобы пойти противъ общественнаго мнѣнія своего круга и написали свои отреченія.

Что въ Бѣлостокѣ установился именно погромный *режимъ*, опредѣленный, съ своей собственной моралью, съ своимъ общественнымъ мнѣніемъ, можно видѣть хотя бы изъ двухъ телеграммъ, появившихся нѣсколько дней тому назадъ въ газетахъ, телеграммъ, составленныхъ въ самыхъ обычныхъ, такъ сказать, будничныхъ выраженіяхъ и прошедшихъ совершенно не отмѣченными въ печати. Вотъ эти телеграммы:

БѢЛОСТОКЪ, 27 іюня. Крупному фабриканту Триллингу приказано принять вновь уволенныхъ двухъ рабочихъ, бывшихъ въ числѣ громилъ во время погрома, подъ опасеніемъ принятія репрессивныхъ мѣръ. Триллингъ уѣхалъ за границу и отдалъ распоряженіе закрыть фабрику; всѣмъ 400 рабочимъ данъ двухнедѣльный срокъ.*

БѢЛОСТОКЪ. 27 іюня. Одиннадцать фабрикантовъ, отказавшихся посылать товаръ для обдѣлки въ аппретурное заведеніе Вельтера вслѣдствіе его участія въ погромѣ, были приглашены въ полицейское управленіе, гдѣ въ присутствіи начальниковъ районовъ города, фабричнаго инспектора Ратковскаго и самого Вельтера имъ было категорически заявлено, что въ случаѣ дальнѣйшаго бойкотированія Вельтера они будутъ высланы въ 24 часа. Фабриканты подписали предложенное имъ обязательство.

На слѣдующій день было извѣщеніе, что эти фабриканты раздумали, взяли обратно свое обѣщаніе и вынуждены выѣхать изъ Бѣлостока. Приводимъ и эту телеграмму.

БѢЛОСТОКЪ, 28 іюня. 12 мѣстныхъ еврейскихъ фабрикантовъ спѣшно ликвидируютъ дѣла и выѣзжаютъ въ Палестину, гдѣ откроютъ фабрики мануфактуръ. Фабрикантъ Хонехъ уже выѣхалъ.

Какъ видитъ читатель, дѣло поставлено совершенно открыто, на чистоту. Громилы не только не привлекаются къ суду, не только не осуждаются общественнымъ мнѣніемъ, но открыто, оффиціально берутся подъ исключительное покровительство властей, подъ ихъ защиту. Фабрикантъ имѣетъ полное законное право разсчитывать своихъ рабочихъ, но не громилъ; онъ имѣетъ полное право давать заказы тому или другому фабриканту, но онъ *обязанъ* давать заказы фабриканту, принимавшему участіе въ погромѣ. Если стоять на точкѣ зрѣнія, что добродѣтель вознаграждается, а порокъ наказуется, то изъ приведенныхъ телеграммъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, что въ Бѣлостокѣ, погромная дѣятельность считается добродѣтелью, а потому укрывательство избиваемыхъ— порокомъ.

Эта же тенденція лежитъ въ основѣ телеграммы ген. Бадера, въ особенности, въ «приказѣ по войскамъ 6 армейскаго корпуса», въ коемъ командиръ корпуса, ген.-лейт. Хитрово, писалъ:

„За доблестную, самоотверженную и отличную службу войскъ корпуса, входящихъ въ составъ бѣлостокскаго гарнизона, считаю долгомъ принести мою сердечную признательность всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, принимавшимъ участіе въ подавленіи безпорядковъ въ Бѣлостокѣ, а нижнимъ чинамъ объявляю свое спасибо. Спасибо, молодцы владимірцы, угличане, казанцы, харьковцы и маріупольцы, а также и донцы за вашу славную службу и проявленныя вами: доблесть, самоотверженіе, неутомимость и честное, справедливое ваше отношеніе къ исполненію своего долга“.

Этотъ командиръ корпуса, конечно, не могъ не знать, что на 47 трупахъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, убитыхъ въ Бѣлостокѣ, имѣлись штыковыя, не говоря о пулевыхъ, раны. И если онъ тѣмъ не менѣе говоритъ о «доблести, самоотверженіи, честномъ и справедливомъ отношеніи къ исполненію своего долга», то очевидно, что и онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія той же «погромной морали», при которой убивать женщинъ, дѣтей и стариковъ, если они принадлежатъ къ еврейскому племени, не только не предосудительно, но является актомъ доблести и честнаго справедливаго отношенія къ долгу.

Было бы совершенно ошибочно предполагать, что этотъ новый кодексъ погромной морали представляетъ собою исключительное, мѣстное явленіе, что онъ введенъ въ одномъ только Бѣлостокѣ. Есть опредѣленныя доказательства, что этотъ кодексъ вводится и въ другихъ мѣстахъ, что организовываются цѣлыя «политическія партіи», которыя открыто и ясно кладутъ въ основу своей дѣятельности «принципы» этой «погромной морали». Въ «Биржевыхъ Вѣд.» отъ 26 іюня описано «районное собраніе членовъ «союза активной борьбы съ революціей» съ цѣлью обсудить нѣкоторыя организаціонные и тактическіе вопросы партіи».

И на этомъ собраніи велись разговоры не только тактическаго, но и «програмнаго» характера. Дебаты велись очень серьезно, держались все время на «идейной почвѣ». Ораторы указывали на то, что при партійной работѣ «постоянно ощущается надобность, именно, въ *интеллигентныхъ силахъ*» и что «необходимо, *чтобы моральная сторона этого дѣла стояла такъ же высоко, какъ и матеріальная*».

А «моральная сторона» дѣла опредѣлилась заявленіями ораторовъ о томъ, что «упрекъ, что погромъ въ Вологдѣ вышелъ очень блѣднымъ въ сравненіи съ Одессой прошлаго года, можетъ быть теперь заглаженъ успѣхами, которые одержаны въ Бѣлостокѣ, гдѣ, хотя «союзъ» выступилъ совмѣстно съ «русскимъ народомъ», но гдѣ роль иниціатора и вдохновителя принадлежала ему».

Ясно, что мы здѣсь уже имѣемъ дѣло не съ вульгарной шайкой разбойниковъ, а съ «партіей», для которой погромное дѣло связано съ опредѣленной «идейной и моральной концепціей».

И если мы пойдемъ дальше, то безъ труда найдемъ и первоисточникъ этой «погромной морали», найдемъ его ни въ чемъ иномъ, какъ въ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ самаго правительства. Присмотритесь, вдумайтесь въ «идейную основу» карательныхъ экспедицій, разстрѣловъ безъ суда, избіенія мирныхъ гражданъ; вчитайтесь въ правительственныя сообщенія по поводу всѣхъ этихъ мѣропріятій, по поводу разгромовъ и погромовъ,—и вы увидите, что въ основѣ ихъ лежитъ все та же «погромная мораль», по которой массовый разстрѣлъ и избіеніе мирныхъ жителей, разгромы цѣлыхъ городовъ и областей представляютъ собою не только дозволенный, но и обязательный для войска и «вѣрной долгу» части населенія пріемъ борьбы для сохраненія существующаго строя.

Много лѣтъ тому назадъ мнѣ привелось слышать въ тюрьмѣ отъ стараго цыгана, судившагося за убійство семьи въ шесть человѣкъ, очень характерное разсужденіе, относящееся къ области «разбойничьей морали».

Привели въ тюрьму арестанта, задержаннаго на мѣстѣ преступленія, въ квартирѣ богатой старухи, куда онъ забрался ночью и сталъ искать подъ подушкой у старухи ключи. Послѣдняя проснулась, подняла тревогу, и грабитель былъ арестованъ.

Тюрьма волновалась по поводу прибытія новаго сочлена и горячо обсуждала его дѣло. И вотъ старый цыганъ, сидя на корточкахъ на палатяхъ, окруженный внимательной аудиторіей, авторитетно, серьезно и убѣжденно высказалъ слѣдующую сентенцію:

— Ужъ ежели Господь-Богъ подпустилъ тебя къ ней (т. е. къ старухѣ) къ сонной, такъ бери прямо и рѣжь! А онъ мудрить началъ и перемудрилъ!

Вотъ она ясная, опредѣленная разбойничья мораль, освященная даже божьимъ именемъ! И эта же самая мораль, тоже освященная божьимъ именемъ такими «представителями Бога на землѣ», какъ преосвященный Антоній и Іоаннъ Кронштадскій, лежитъ въ основѣ всей дѣятельности нашего правительства.

И какъ часто и съ какой глубокой горечью такіе благочестивые люди, какъ Побѣдоносцевъ, Треповъ и другіе члены «звѣздной палаты», глядя на то, какъ разгорѣлась, революція шепчутъ другъ другу сентенцію стараго опытнаго злодѣя:

— Ужъ ежели Господь-Богъ подпустилъ насъ къ ней (Россіи), къ сонной, надо было прямо взять и рѣзать, а мы стали мудрить и перемудрили.

Перемудрили! Теперь Россія проснулась— и ее не такъ-то легко будетъ зарѣзать!

С. Ан—скій.

Къ развязкѣ.

Аграрный вопросъ! Вопросъ хлѣба, вопросъ голодной смерти или жизни для массы народной. Аграрный вопросъ — это прежде всего вопросъ борьбы за хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ разсыпанъ на золотыхъ нивахъ; онъ стоитъ еще на корню и коегдѣ онъ даже сложенъ въ темно-желтыя копны... Хлѣбъ вызрѣлъ и, какъ образъ, сталъ осязательнѣе; возможность взять его очевиднѣе... И около хлѣба возгорѣлось опять, но съ невиданной, небывалой энергіей борьба... Загляните въ провинціальную хронику: стачки батраковъ, отказы убирать помѣщичій хлѣбъ, предъявленія новыхъ условій дѣлежа созрѣвшаго хлѣба.

Кіевская, полтавская, черниговская, харьковская, воронежская, оренбургская... губерніи «объяты аграрнымъ пожаромъ». Это уже не «вопросъ», это отвѣтъ, и какой понятный отвѣтъ! За землю, хлѣбъ и волю борятся не на жизнь, а на смерть двѣ стороны... въ борьбу внесена жестокость, граничащая съ безуміемъ! Въ бобровскомъ уѣздѣ «помѣщики начали жечь и травить рожь: все равно пропадаемъ, такъ пусть «имъ» не достанется»... Съ мирныхъ столбцевъ провинціальной хроники смотритъ страшный съ кровоподтекомъ глазъ «аграрнаго вопроса»! «Они» ждали-ждали... но теперь «они» потеряли терпѣніе. Теперь они опять заговорили... Аграрный вопросъ выросъ.

Помните: онъ ходилъ по обледенѣлымъ полямъ, среди обнаженныхъ дубравъ, съ краснымъ знаменемъ, отъ деревни къ деревнѣ; съ краснымъ знаменемъ и краснымъ пѣтухомъ къ помѣщичьей усадьбѣ! И потомъ завылъ, завизжалъ, застоналъ подъ жестокой рукой народныхъ палачей...

И, когда онъ пришелъ лохматый, утомленный скитаніями по департаментамъ и «вѣдомствамъ» къ дверямъ думы, его замѣтили! Онъ всталъ тамъ страшный, огромный, иллюминированный заревомъ пожара, нетерпѣливый и требовательный, онъ, конечно, заставилъ ихъ, «избранниковъ народа», говорить... говорили долго-долго и много. Онъ долженъ былъ войти въ «аграрную комиссію», но... «швейцаръ не впустилъ»... «Большинство» думы не захотѣло допустить самой «возможности—стать на точку зрѣнія» законопректа трудовиковъ... Это «большинство», видно, не думало, что такъ скоро опять будутъ пылать помѣщичьи усадьбы!.. И опять мобилизуются войска и опять сухими залпами хохочетъ аграрный вопросъ среди полей и въ убогихъ деревняхъ. Крестьяне собираются, говорятъ, обсуждаютъ дѣйствія думы. Аграрный вопросъ еще не вышелъ изъ Таврическаго дворца. Но скоро онъ выйдетъ! Онъ выйдетъ суровый и рѣшительный; и отъ его грознаго шага вздрогнетъ земля!.. Заговорятъ «они», долго терпѣвшіе, и тогда дума, если она еще не погибнетъ, пусть откажется вторить «ихъ» голосу!.. Пусть откажется принять «ихъ» точку зрѣнія!.. Великій вопросъ идетъ къ роковой развязкѣ!..

А. Антоновъ.

Ликвидація войны.

Въ положеніи о полевомъ управленіи войскъ въ военное время (приложеніе 8 ст. 40) говорится: «съ приведеніемъ арміи на военное положеніе государственный контролеръ входитъ въ соглашеніе съ военнымъ министромъ о сформированіи временной ревизіонной комиссіи». Какъ извѣстно, война началась 26 января, а положеніе и штатъ комиссіи утверждены были лишь 14 мая того же года. Уже изъ этого было видно, что сформированіе лишняго контрольнаго глаза не вызывало торопливости ни у военнаго министра, ни у государственнаго контролера. Военное министерство отпустило кредитъ на содержаніе комиссіи съ 14 мая, а сформированіе ея состоялось лишь 9 іюля, т. е. черезъ мѣсяцъ и 25 дней, только потому, что департаменту военной и морской отчетности нужно было урвать сколько возможно изъ кредита комиссіи, такъ какъ кредита самаго департамента не хватало на удовлетвореніе служащихъ жалованьемъ за декабрь.

Въ сентябрѣ стали съѣзжаться чины комиссіи въ г. Хабаровскъ, куда, вопреки разсудку, начальство загнало столь важное контрольное учрежденіе, какъ ревизіонная комиссія.

Въ серединѣ октября приступили къ разборкѣ отчетности, которой накопилось въ ожиданіи комиссіи около 40,000 документовъ.

Вотъ здѣсь-то и произошло какое-то недоразумѣніе. Оказалось, что большая часть чиновъ комиссіи вовсе незнакома съ предстоящимъ ревизіоннымъ дѣломъ. Минимумъ полгода, если еще и не больше, разные виды отчетности перемѣщались изъ одного отдѣла въ другой, отъ одного ревизующаго къ другому. Напримѣръ, въ кассовомъ отдѣлѣ раза три перемѣняли порядокъ дѣлопроизводства, такъ какъ завѣдывавшій отдѣломъ контролеръ Макаровъ былъ настолько незнакомъ съ дѣломъ, что долго не могъ понять назначеніе реестровъ, присылаемыхъ на ревизію съ ассигновками. Этотъ же контролеръ не отличался особой заботливостью о своей репутаціи. Однажды приказчикъ магазина Плюснина въ Хабаровскѣ разсказывалъ въ городѣ, будто Макаровъ укралъ изъ магазина вещи. Не особенно заботилось о репутаціи чиновъ комиссіи и начальство. Такъ, когда нѣсколько чиновниковъ предложили контролеру Макарову снять съ себя позоръ обвиненія выясненіемъ истины, онъ заявилъ, что обвиненіе его въ похищеніи вещей изъ магазина касается только его одного, а остальнымъ чинамъ комиссіи до этого нѣтъ никакого дѣла. Ст. сов. Кандауровъ, бывшій въ то время управляющимъ комиссіей, принявъ сторону Макарова, объявилъ нѣсколькимъ чиновникамъ выговоръ въ приказѣ за обвиненіе Макарова, хотя управляющему хорошо было извѣстно, что не чиновники обвиняли контролера Макарова въ кражѣ, а приказчикъ магазина Плюснина. Результатомъ попытки чиновниковъ снять позоръ съ своей корпораціи, явилось даже увольненіе отъ службы помощника контролера Ткача, наиболѣе принимавшаго къ сердцу обвиненіе своего сослуживца въ кражѣ. Макаровъ-же до сего дня остался у многихъ сослуживцевъ «въ подозрѣніи».

Полетѣли въ Петербургъ жалобы на Кандаурова, и чины комиссіи невольно подѣлились на 2 партіи: 1-ая партія была изъ приспѣшниковъ управляющаго, человѣка безвольнаго, подпавшаго подъ вліяніе 3—4-хъ чиновниковъ: эта партія была, такъ сказать, монархическая; 2-ая партія состояла изъ людей, желавшихъ живой работы, способныхъ къ работѣ: эта партія была прогрессивная. Завязалась борьба. По распоряженію государственнаго контролера было произведено «негласное» дознаніе (излюбленный пріемъ нашего правительства). Послѣ этого ст. сов. Кандауровъ былъ смѣщенъ, а старшій контролеръ Коллежинскій переведенъ въ иркутскую контрольную палату, какъ человѣкъ безпокойный и шедшій противъ начальства.

За время производства негласнаго дознанія помощники контролера Кегелеръ и Ненарокомовъ были смѣщены Кандауровымъ, но впослѣдствіи возстановлены въ своихъ правахъ приказомъ изъ Петербурга.

Такъ прошло около 9 мѣсяцевъ, во время которыхъ никто почти не работалъ, поглощенный партійной борьбой. Закланіе Кандаурова доказывало побѣду «лѣвыхъ», дружно взявшихся послѣ этого за работу. Но Петербургъ, повидимому, недоволенъ былъ положеніемъ вещей и прислалъ новаго управляющаго комиссіей ст. сов. Сатрапинскаго для уничтоженія революціонной крамолы. Этотъ начальникъ, съ наружностью и пріемами жандармскаго вахмистра, быстро началъ выживать изъ комиссіи все способное, могущее работать, но «разсуждавшее», и сталъ замѣнять ихъ новыми лицами типа «чего изволите». Сейчасъ, при стараніи ст. сов. Сатрапинскаго и при поддержкѣ его изъ Петербурга, личный составъ комиссіи доведенъ до того, что работать почти некому. Жалкіе, ничтожные, безличные продукты режима Александра III-го, робкіе чинуши, столкнувшись съ громадной ревизіонной работой, со страхомъ и безъ борьбы отступили, ограничивъ живое ревизіонное дѣло одними «входящими»